

УДК 821.161.1.09

М. Н. КАТКОВ И К. А. ФАРНГАГЕН ФОН ЭНЗЕ О ПУШКИНЕ

Хвостова Ольга Александровна –

кандидат филологических наук, доцент кафедры
истории русской литературы и фольклора,
Саратовский государственный университет
E-mail: HvostovaOA@info.sgu.ru

В статье анализируется публикация перевода М. Н. Катковым ныне почти забытой монографической статьи К. А. Фарнгагена фон Энзе «Сочинения Александра Пушкина» (1838) как исток творческих замыслов будущего идеолога русского консерватизма, воплощенных в более поздних трудах о поэте. Немецкая философская критика в лице Фарнгагена фон Энзе восприняла Пушкина в контексте философско-исторических споров о России, взаимодействии культур, народного и национального, самобытного и глобального. Фарнгаген выдвинул идею *универсальности* пушкинского духа, обогащающего и свою, и мировую культуру. Мысль о «всемирном значении» пушкинского гения и его самобытности – сквозная в критике Каткова. Вопросы эстетики в ней представлены в общетеоретическом смысле и в конкретном преломлении в судьбе и поэзии Пушкина. Катков стоит у истоков целого направления русской философской критики о Пушкине.

Ключевые слова: философская критика, М. Н. Катков, К. А. Фарнгаген фон Энзе, Пушкин, взаимодействие культур, универсальность духа, народное и национальное, самобытность, теория искусства.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-55-59

В обширном наследии М. Н. Каткова – выдающегося философского публициста, филолога, критика, издателя, основоположника русской политической журналистики, редактора газеты «Московские ведомости», журнала «Русский вестник», общественного деятеля и идеолога русского консерватизма особое место занимают труды о Пушкине. После долгого забвения они возвращаются к современному читателю, чтобы полнее вписать имя автора в отечественное пушкиноведение.

Большим подспорьем для историков русской мысли явилось недавно вышедшее собрание сочинений Каткова в шести томах (под общей редакцией А. Н. Николюкина) [1]. Символично, что первый том этого издания, собравший литературно-критические статьи, рецензии, очерки, в том числе и основные пушкиноведческие публикации, озаглавлен словами одной из программных статей Каткова «Заслуга Пушкина» [2, с. 699–705]. Собрание открывает «Отзыв иностранца о Пушкине» – публикация перевода Катковым монографической статьи К. А. Фарнгагена фон Энзе о Пушкине 1838 г., которая является истоком творческих замыслов молодого Каткова, воплощенных в более поздних трудах о поэте.

Обширная работа немецкого критика, историка, публициста, дипломата на прусской государственной службе, умеренного либерала К. А. Фарнгагена фон Энзе (1785–1858) «Сочинения Александра Пушкина» была опубликована в основанном Гегелем журнале «*Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*» (Ежегодник научной критики) (1838) и произвела оживление в немецких философских кругах, сразу же была прочитана в России и вышла в двух разных переводах – в журналах «Сын Отечества» (1839) и «Отечественные записки» (1839). Первый, по словам Каткова, «какой-то жалкий, неверный перевод» редактора Н. А. Полевого был неточным и побудил Каткова обратиться к издателю А. А. Краевскому с просьбой поместить в его журнале «Отечественные записки» свой перевод, чтобы «указать истинную точку зрения на нашего великого поэта» и «познакомить нашу публику с современным состоянием критики в Германии» [2, с. 53]. Инициатива была поддержана сотрудником журнала В. Г. Белинским.

Критика Фарнгагена фон Энзе – одна из первых и забытых в России иностранных статей-рецензий на три тома посмертного издания «Сочинений А. Пушкина» (1838), выпущенного В. А. Жуковским. Не случайно, что она была заново, вторично переведена Катковым. Переводчик смог вдохновенно донести до русского читателя смысл «благородного германского отзыва» о Пушкине. Начиная с 1837 г., Белинского и Каткова, тогда еще выпускника словесного отделения философского факультета Московского университета, связывает тесное общение и в дальнейшем – сотрудничество в редакции «Московского наблюдателя». Письма Белинского к А. С. Суворину, Н. В. Станкевичу, В. П. Боткину пестрят восторженными отзывами в адрес молодого романтически настроенного критика, талантливого переводчика, к тому времени уже известного в литературных кругах своими переводами Г. Гейне, У. Шекспира, Г. Рётшера, И. Гете, Ф. Рюккерта: «Какая даровитость, какая глубокость, сколько огня душевного, какая неистощимая, плодотворная и мужественная деятельность! Во всем, что ни пишет он, видно

такое присутствие мысли, его первые опыты гораздо мужественнее моих теперешних...» [3, с. 7]. Охлаждение отношений В. Г. Белинского и М. Н. Каткова наступит с началом сотрудничества последнего в «Отечественных записках» А. А. Краевского, уже в 1840 г. Катков идейно разойдется с Белинским навсегда.

Личность Каткова, увлеченного немецкой классической философией, романтической поэзией Жуковского, Пушкина, Кольцова, формировалась под влиянием круга Станкевича. Мало проясненный на сегодняшний день вопрос – об участии Фарнгагена в этом кружке. Пока нет достоверных свидетельств об общении Каткова с ним в России, но известно, что в 1840 г. Катков уезжает в Германию, слушает лекции немецких профессоров, курс Ф. Шеллинга в Берлинском университете, возможно, видится и с Фарнгагеном. В комментариях к «Отзыву иностранца о Пушкине» приводятся косвенные факты их заочного общения через посредство Ф. И. Тютчева, познакомившегося с немецким критиком в 1842 г. и посвятившего ему стихотворение «Знамя и слово»: «Через тридцать лет Тютчев и Катков, многократно встречаясь и беседуя в Москве, могли вспомнить знатока и популяризатора русской литературы в Германии ...» [2, с. 747].

Немецкая критика в лице Фарнгагена фон Энзе восприняла Пушкина в контексте философско-исторических споров о России. Претворив мысль Гете о «всемирной литературе», о взаимодействии культур, немецкий критик воспринял Пушкина как выразителя всемирно-исторической роли России, осуществившего синтетический охват всей русской жизни: «В самом деле, он есть выражение всей полноты русской жизни и потому он национален в высшем смысле этого слова» [2, с. 61]. Имперское могущество России, множество населявших ее народов с их верой, культурой, обычаями (Восток и Запад, Север и Юг, Кавказ, Украина, Бессарабия), по убеждению Фарнгагена, «имеют в этом отношении самое благотворное влияние; мы можем отсюда видеть, в каком внутреннем соотношении с государством живет поэзия» [2, с. 63–64]. Эта мысль прослежена немецким критиком на примере многих произведений – «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», «Цыган», «Полтавы». По сути, впервые после смерти поэта и задолго до пушкинской речи Ф. М. Достоевского Фарнгаген выдвинул идею *универсальности* пушкинского духа, обогащающего и свою, и мировую культуру.

В краткой заметке «От переводчика» Катков относит Фарнгагена к достойным ученикам Гегеля, в «лице» которого «подает нам руку Герма-

ния, в лице Германии – вся Европа ...» [2, с. 56]. Русского гегельянца привлёк отзыв иностранца, который «судит о России и об ее явлениях не как член народа, а как член целого человечества» [2, с. 55]. Молодому Каткову созвучно представление Фарнгагена о «духовном образе» Пушкина как о «поэте не одной какой-нибудь эпохи, а поэте целого человечества, не одной какой-нибудь страны, а целого мира». «Всемирный» масштаб личности Пушкина и памяти о нем, по мысли переводчика, соотносимы с судьбой России: «Как народ России не ниже ни одного народа в мире, так и Пушкин не ниже ни одного поэта в мире» [2, с. 55].

Мысль о «всемирном значении» пушкинского гения и его самобытности – сквозная в философской критике Каткова. В программной статье 1856 г., в ходе анализа лирики Пушкина, знаменитого «Памятника», он убежденно доказывает: «Пушкин, как видим, сам чувствовал свое великое значение; он чувствовал, что гением его завершён ряд славных усилий, которые дали русскому слову всемирную силу служить прекрасным орудием духу жизни и развития» [2, с. 275]. Формульное выражение идея Каткова получает в публикации 1880 г.: «Пушкин стоит на высоте всемирного значения» [2, с. 701]. Катков пишет о возвышающей силе вдохновенного преображения художника, даре «ясновидения» и «просветления», запечатленном в бессмертных стихах о поэте-пророке, произведениях зрелого таланта, отмеченных «печатью совершенства». В понимании Каткова, подлинный художник находится на недостижимой высоте, пребывает в «священном одиночестве», исполненный «высокого чувства независимости мысли», наедине со своей совестью. И только в этом состоянии он способен вынести «глубокое народное чувство, и свой исторический смысл, и свою веру в назначение русского народа» [2, с. 703].

Редкий случай, когда Катков-переводчик вступает в диалог с автором «Отзыва иностранца о Пушкине» в форме примечаний по вопросам, принципиальным для него самого, например, по поводу понятий «народное» и «национальное». Фарнгаген ставит имя Пушкина на недостижимую высоту среди всех его предшественников, последователей, современников, группирующихся вокруг него, ибо он выражает полноту народной жизни и «национален в высшем смысле этого слова» [2, с. 61]. Немецкий критик различает два этапа в развитии самосознания народа: «Если под народным разуметь то, что передается из века в век в первоначальной непосредственности, без всякого развития, то на высшей ступени образования оно не может быть названо национальным,

потому что благороднейшая часть народа, в которой уже пробудился дух и открылись духовные очи, не может им удовлетворяться» [2, с. 61]. Только исходя из этого определения, по логике Фарнгагена, возможно постичь подлинное значение Пушкина и толковать его произведения. Катков в примечании предупреждает о том, что «надобно отличать народное от национального», поясняя эти слова в гегелевском духе: «Народным должно называть все то, что вытекает из естественного состояния народа, состояния, в котором дух безразлично слит с природою; национальное же – все то, что напечатлено самосознающим, развивающимся духом какого-либо народа, как органической части целого человечества, как *нации*» [2, с. 61]. Перед нами не что иное, как методологическая основа размышлений самого Каткова о соотношении народного и национального, национального и всемирного в культуре.

Фарнгаген решительно опровергает представление о подражательном характере произведений Пушкина, сопровождая свой упрек «русским» учтивой оговоркой: «Русские сами, по скромности или осторожности, нередко называют Пушкина подражателем» [2, с. 61]. Свое согласие с немецким критиком Катков выражает в примечании «от переводчика», эмоционально восклицая в адрес своих соотечественников: «О, если б только по одной скромности и осторожности!» [2, с. 61]. Позднее Катков еще более категорично отстаивает оригинальность даже тех сочинений поэта, которые испытали «байронические влияния»: «Собственно говоря, Пушкин никогда не был подражателем; это природа в высшей степени оригинальная» [2, с. 293].

Выход в свет «Сочинений Пушкина», изданных П. В. Анненковым, послужил поводом к написанию монографической работы Каткова, вероятно, задуманной благодаря переводу Фарнгагена. Литературно-эстетический трактат «Пушкин. Сочинения Пушкина, издание П. В. Анненкова» появляется на страницах «Русского вестника» (1856) в разгар литературно-журнальных столкновений между представителями «реальной» и «эстетической» критики (статьи Н. Г. Чернышевского и А. В. Дружинина). Тем не менее даже Чернышевский высоко оценил вклад Каткова в осмысление пушкинского наследия. Он называет статью Каткова «капитальной», выделяя в ее содержании, прежде всего, «разрешение чисто эстетических задач», соотнося их с «характером общего воззрения» «Русского вестника» [4, с. 642]. Таким образом, эта пушкиноведческая работа Каткова была знаковым выражением эстетической программы журнала.

Редактор «Русского вестника» возвращается к своей юности, к тем вопросам, которые были подняты в его переводе статьи Фарнгагена – принципам романтической критики, которые он уже переосмыслил. Каткова занимают «вопросы эстетики» (о сущности, целях, «теоретическом» и «практическом» значении искусства, о назначении поэта и поэзии, о природе вдохновения, соотношении сознательного и бессознательного в искусстве, о сходстве и различии «мысли» в поэзии и «отвлеченном мышлении») и в общетеоретическом смысле, и в конкретном преломлении в судьбе и поэзии Пушкина. Критик считает, что у Пушкина была своя теория искусства, воплощенная им в стихотворениях «Разговор книгопродавца с поэтом», «Чернь», «Поэт, не дорожи любовью народной!», «Поэт», «Эхо»: «Пушкин не был теоретиком. Но действительно, с течением времени его художественная деятельность достигла до самосознания...», т.е. стала предметом рефлексии [2, с. 251].

Катков в понимании искусства идет вслед за немецкой классической философией (Кант, Гегель): «Поэзия есть, прежде всего, одна из форм нашего сознания <...> *Поэзия, в истинном смысле, есть познающая мысль, направленная на то, что не подвластно отвлеченному мышлению*» [2, с. 252, 255]. Мысль поэта так же важна, по Каткову, как и его бессознательное вдохновение. Для критика это едино. В стихотворении «Чернь» (в издании 1836 г. «Поэт и толпа») Катков находит конкретизацию практической роли искусства: «Но, спросят ли нас, должно ли искусство ограничиваться одним теоретическим значением или оно должно иметь также и практическое значение? Этот вопрос внушил самому Пушкину известное стихотворение “Чернь”». Подробно анализируя это стихотворение, Катков выделяет два момента в существе искусства. От художника нельзя требовать внешней практической пользы: «Печной горшок тебе дороже, / Ты пищу в нем себе варишь...». И второе, когда на поэта возлагают миссию исправления пороков. Обе эти крайности противоречат *цели искусства* и вдохновению. Искусство, будучи свободным полетом вдохновения, способствует успехам гражданственности, развитию общественных отношений, происходит «очеловечивание жизни» [2, с. 266].

Катков цитирует хрестоматийные строки («Не для житейского волнения, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновения, / Для звуков сладких и молитв»), являющиеся знаменем «эстетического» направления, приверженцев «чистого искусства». Он спорит с ним: «Все неприятно поражающее ум в этом знаменитом вы-

ражении: “искусство для искусства” заключается в представлении, будто художник должен иметь свою целью только изящество исполнения, и тут мы с полным правом восклицаем: нет! искусство должно иметь какую-либо более существенную цель; пусть оно лучше оставит тщеславное притязание находить в самом себе цель для своих явлений и будет лишь простым и честным орудием для других назначений, на которые вызывает его жизнь со своими битвами и стремлениями» [2, с. 268]. Так чем же отличается его позиция от принципов «триумvirата» эстетической критики – Анненкова, Дружинина, Боткина? Катков, по сути, провозглашает собственную эстетическую программу: «Люди призваны в мир не для одного спокойного созерцания; мы должны действовать и участвовать в великих битвах жизни, каждый по силам и средствам своим; все в человеческом мире стремится и действует, все в напряжении и борьбе; так!» [2, с. 265]. Эта программа имеет и автобиографическое, и общественное звучание: Катков умел действовать и делал это с поразительной результативностью в политике, журналистике, редакционных делах. В статье «Заслуга Пушкина» (1880) он выдвинул политическое понятие *Русская партия*: «У нас теперь все толкуют о политических партиях. Не принадлежал ли и Пушкин к какой-либо партии? Да, принадлежал <...> Он принадлежал к *Русской партии*. Само слово “*Русская партия*” есть слово Пушкина» [2, с. 704].

Программные тезисы Каткова находят практическое воплощение в обзоре пушкинского творчества. Критик стремится «пояснить себе в живом примере сущность художественного начала» [2, с. 277], проявленного, прежде всего, в лирике Пушкина. Критик восхищается «совершенно индивидуальным состоянием», «индивидуальностью минуты» в стихах: «Под небом голубым страны своей родной», «Для берегов отчизны дальней...». Представление о Каткове как о литературно-общественном деятеле будет неполным, если не иметь в виду его тонкое глубокое прочтение лирических шедевров. Это свидетельствует о том, что он прошел школу романтической критики, к которой принадлежал и Фарнгаген. Важно заметить, что, вероятно, именно поэтому Катков недооценивает пушкинскую прозу.

Осознавая личность Пушкина как творца отдельных поэтических моментов, миггов жизни, следуя традиции Горация, Катков отказывает поэту в возможности постигать многообразие жизни в ее целостности. Критик настаивает на том, что поэт как таковой, и не только Пушкин, лишен «обширной и богатой системы воззрений»

[2, с. 289]. Как понимает Катков принцип целостности? В произведениях Пушкина «целое всегда распадается у него на отдельные положения и сцены, но так, однако, что каждая часть представляет собою нечто относительно целое» [2, с. 286]. Это относится и к «Евгению Онегину», и поэмам, «Борису Годунову», «Маленьким трагедиям». Катков здесь пристрастен, но его можно понять, учитывая, что такого рода суждения были и при жизни самого Пушкина (статья поэта «Опровержение на критики»), и в критике после его смерти.

В то же время Катков обозревает творчество Пушкина в движении, поэтапно: от ранних опытов («Руслан и Людмила») к «переходной эпохе» 1820–1825 гг. (романтические поэмы), и затем «с 1825 года начинается зрелая пора Пушкина» [2, с. 297]. К этому этапу Катков относит: «Полтаву», последние главы «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Медного всадника». Критик задается вопросом: «В чем выражается зрелость его творческой силы?» [2, с. 297]. Для Каткова она заключается в умении Пушкина выразить «ясность действительного мира», «высочайшую художественную точность» [2, с. 297]. По существу, критик, выделяя качества, емко характеризующие реалистические принципы пушкинского письма, приходит к обобщению: «Не много надобно вглядываться в произведения этой эпохи, чтобы усмотреть, как русская мысль в лице Пушкина приобретает все более и более силы для достижения действительности, как становится она способной воспроизводить истину явлений души и жизни» [2, с. 297].

Становится понятно, почему переводчик Фарнгагена – молодой Катков – так эмоционально укорял соотечественников и одновременно взывал к ним: «Стыдно! Нас опередили в оценке нашего Пушкина! Но дай Бог, чтобы это было в последний раз, дай Бог, чтоб мы почувствовали наконец в себе силы к самобытной и самознательной умственной деятельности» [2, с. 56].

Спустя четыре десятилетия в передовой статье газеты «Московские ведомости» Катков исправит эту историческую несправедливость, восклицая: «Пушкин заставил не только своих, но и чужих полюбить наш язык, и в этом его великая заслуга. <...> Мы гордимся нашим Пушкиным как великим поэтом <...> Пушкин стоит на высоте всемирного значения. Русский народный поэт, он имеет полное право на почетное место в пантеоне всех времен и народов. На произведениях его зрелой поры лежит печать совершенства. Это мир творчества, самородный и самобытный как по веществу, так и по образу» [2, с. 700–701]. С тех пор оформилось целое

направление русской философской критики о Пушкине (М. Н. Катков, Ф. М. Достоевский, Вл. С. Соловьев, Д. С. Мережковский, С. Л. Франк, Г. П. Федотов и др.).

Список литературы

1. Катков М. Н. Собр. соч. : в 6 т. / под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб., 2010–2012.
2. Катков М. Н. Собр. соч. : в 6 т. / под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб., 2010. Т. 1. 848 с.
3. Катков М. Н. Собр. соч. : в 6 т. / под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб., 2012. Т. 6. 864 с.
4. Чернышевский Н. Г. Заметки о журналах // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. М., 1947. Т. 3. 884 с.

М. N. Katkov and K. A. Varnagagen von Ense about Pushkin

О. А. Khvostova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: HvostovaOA@info.sgu.ru

The article analyzes the publication of the translation M. N. Katkov now almost forgotten monographic articles K. A. Varnagagen von Ense «The Works of Alexander Pushkin» (1838) as a source of creative

ideas of the future ideology of Russian conservatism embodied in the later writings of the poet. German philosophical criticism in the face of Varnagagen von Ense Pushkin perceived in the context of the philosophical and historical disputes about Russia, the interaction of cultures, folk and national, national and global. Varnagagen proposed the idea of the *universality* of Pushkin's spirit, and enriching their own, and world culture. The idea of «global significance» of Pushkin's genius and his identity – through a criticism of Katkov. «Questions of aesthetics» is in their general theoretical sense and in particular in the fate and the Pushkin's poetry. Katkov is at the origin of the whole direction of Russian philosophical criticism of Pushkin.

Key words: philosophical criticism, M. N. Katkov, K. A. Varnagagen von Ense, Pushkin, interaction of cultures, *universality* of spirit, folk and national, identity, art theory.

References

1. Katkov M. N. *Sobr. soch.*: v 6 t. Pod. obshch. red. A. N. Nikolyukina (Collected works: in 6 vol. Ed. by A. N. Nikolyukin). St.-Petersburg, 2010–2012.
2. Katkov M. N. *Sobr. soch.*: v 6 t. Pod. obshch. red. A. N. Nikolyukina (Collected works: in 6 vol. Ed. by A. N. Nikolyukin). St.-Petersburg, 2010. Vol. 1. 848 p.
3. Katkov M. N. *Sobr. soch.*: v 6 t. Pod. obshch. red. A. N. Nikolyukina (Collected works: in 6 vol. Ed. by A. N. Nikolyukin). St.-Petersburg, 2012. Vol. 6. 864 p.
4. Chernyshevskiy N. G. *Poln. sobr. soch.*: v 15 t. (Collected works: in 15 vol.). Moscow, 1947. Vol. 3. 884 p.